

КРОВЬ БАСТАРДОВ

ЖАЖДА МЕСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЛЕТТИ КЕЙН

Летти Кейн
Жажда мести

«Автор»

2026

Кейн Л.

Жажда мести / Л. Кейн — «Автор», 2026

Ее цель не просто убить. Ее цель — уничтожить. Двенадцать лет Франческа вынашивала план мести мафиозному клану. Чтобы подобраться к его наследнику, капо Филадельфии, она становится хирургом в одной из его легальных клиник. Марчелло сразу чувствует подвох. Дерзкий доктор слишком умна, хладнокровна и совсем его не боится. Но чем внимательнее он следит за Франческой, тем опаснее становится его интерес. Ее легенда рушится как карточный домик. И когда город захлестнет война кланов, Франческа окажется перед выбором: вонзить скальпель в сердце врага или прикрыть его собой. Но что, если настоящий враг всё это время был рядом? А тот, кого она поклялась убить, — ее единственная защита в аду, который вот-вот развернется?

© Кейн Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Летти Кейн

Жажда мести

Глава 1

Франческа.

Резко сажусь в кровати, хватая ртом воздух. В комнате темно, только полоска света из-под двери да блики от уличных фонарей на потолке. Руки трясутся. Я смотрю на них — чистые. Ни крови. Ни грязи. Только вены вздулись от того, как сильно я сжимала простыню.

Моргаю. Раз. Другой.

Где я?

Осматриваюсь. Чужая спальня. Стены из красного кирпича, кожаное кресло в углу, на стене абстракция, которую никто никогда не рассматривает. Кровать огромная, пустая, пахнет чужим кондиционером для белья.

Нью-Йорк.

Я в Нью-Йорке.

Выдыхаю. Медленно, сквозь зубы, чтобы не разбудить того, кто спит в соседней комнате. Хотя Никки спит так, что даже танк не разбудит.

Провожу ладонями по лицу. Кожа влажная, волосы прилипли к вискам. Кошмар. Опять.

Всюду кровь, я пытаюсь зажать артерию, а пальцы проваливаются в мясо.

Отбрасываю одеяло. Ноги касаются холодного пола, и это возвращает в реальность. Встаю, иду к окну. Раздвигаю шторы — Нью-Йорк спит. Где-то внизу проехала машина, фары скользнули по стене соседнего дома. Город огромный, шумный, но здесь, на верхотуре, тихо. Как в гробу.

Я люблю эту квартиру. Никки снимает ее уже третий год, хотя сама здесь почти не живет. У неё везде подушки безопасности — Лоренцо научил. Квартира на вымышленное имя, аренда через подставные компании, соседи думают, что здесь живет фотограф, который вечно в разъездах.

Умная девочка. Мы все умные. Бастарды должны быть умными, чтобы выжить.

Сзади скрипит дверь.

— Ты опять не спишь?

Никки стоит на пороге, трет глаза, волосы торчат в разные стороны. На ней моя старая футболка, которую она стащила пару лет назад и так и не вернула. Длинноногая и красивая до невозможности. Даже спросонья.

— А ты опять встала пописать и увидела свет в конце туннеля, — отвечаю я, не оборачиваясь.

— Угадала, — она шлепает босиком по полу, подходит сзади, кладет подбородок мне на плечо. — Кошмар?

— Ага.

Она молчит. Просто стоит, дышит в шею, и от этого тепла внутри что-то оттаивает. Никки единственная, кому я позволяю ко мне прикасаться так. Ну, еще Лоренцо иногда, но он обнимает по-братски, раз в год и только по праздникам.

— Я уже говорила, что тебе не идет этот цвет волос, — я поворачиваюсь, убирая от лица сестры светлые пряди. Было неожиданно после долгой разлуки увидеть ее блондинкой. Черноглазая итальянка со взрывным характером и копной кудрявых светлых волос. Просто магнит для мужиков в ее-то возрасте.

Никки фыркает.

— Он и не должен мне идти, — руки собирают локоны в небрежный пучок. — Просто так до всех быстрее доходит, что я «тупая кукла Николетта Гамбино». Ну и еще это бесит Вито.

На последней фразе она закатывает глаза, и скрывается в коридоре. Я весело ухмыляюсь. Бесить Вито — это у нас семейное.

Витторио, наш самый старший брат, отличается и своим законным положением и своим пренебрежением к нам, бастардам. Лоренцо даже пришлось увести нас в Италию после очередного инцидента. Официально — «чтобы защитить от врагов». На деле, чтобы спасти от вспышек ярости Вито.

Два года вдали от всего. Два года, когда мы стали настоящей семьей. Я, Лоренцо и эта мелкая бестия.

Нужен душ. Горячий, как котел в аду. Снова уснуть вряд ли получится, зато больше времени на подготовку. Я закрываю стеклянную дверку и с блаженством наблюдаю как поднимаются клубы пара, образуя конденсат. Ступаю под струи воды. Вода смывает все. Воспоминание, одиночество, боль. Даже мечь уступает свое место ненадолго.

Надеваю неприметные джинсы и футболку. Каштановые волосы собираю в удобный узел. Как только выхожу из комнаты, сразу же слышу как Никки гремит на кухне, подпевая дурацкой попсе из колонок.

— Ты готовишь? — я приподнимаю бровь. — С каких пор?

— С тех пор как поняла, что еду из доставки ты не ешь, — она оборачивается, машет лопаткой.

Уголки моих губ приподнимаются в легкой улыбке. Боже, какая забота.

— Ты заболела? — отодвигаю высокий барный стул за островком и подпираю щеку ладонью. — Я вернулась из Флориды меньше суток назад, а ты все не перестаешь меня удивлять.

Слышу смешок. Она ставит передо мной тарелку. Яичница, бекон, тосты, даже зелень свеху. Плюхается напротив.

— Заканчивай быть вредной сукой, — мило протягивает она и обиженно скрещивает руки на груди. — Я вообще-то забочусь о сестре.

— Ты Лоренцо тоже завтраки готовишь? — Отправляю первый кусок яичницы в рот, прикрываю глаза. Надо отдать должное, бабуля в Италии научила-таки ее готовить. Вообще, мы там многому научились

— Лоренцо живет в ресторанах, — Никки откидывается на спинку стула, — так что смерть от голода ему точно не грозит. Я все еще надеюсь, что когда-нибудь он женится и перестанет быть нашей проблемой.

— Готова поспорить, что его невесту ты прикончишь раньше, чем она дойдет до алтаря, — я отпиваю кофе и смотрю на Никки поверх чашки с улыбкой. Долго. Она знает что я попала в точку. Нет никого ревнивее нее в этой семье. И Боже, храни ту женщину, что однажды решит войти в семью Гамбино.

Она хочет сказать что-то, но замирает. Входная дверь щелкает, и мы обе поворачиваем головы. Она что, не закрыла дверь? Я беру кухонный нож со стола и бесшумно встаю со стула, Никки поднимается следом.

В прихожей шаги. Уверенные, неторопливые. Мужские.

— Какого черта, Никки?! — раздается голос и в проеме появляется Лоренцо. — Вы гостей ждете? Я не во время?

Голос гневный, раздраженный. Еще бы. Столько лет учить нас выживать, бороться и убивать, и все ради того, чтобы ночью нас перерезали в собственных постелях из-за незакрытой двери.

Он старший среди нас, бастардов, и выглядит соответственно. Дорогой костюм, часы, которые стоят как моя машина, идеально зачесанные светлые волосы. С виду — интеллигент

до мозга костей, банкир или адвокат из хорошей семьи. На деле — тот еще гад. Умный, хитрый, опасный. Но наш.

— Лоренцо! — Никки бросается ему на шею, все еще сжимая в руке нож. Он чмокает ее в макушку, смотрит поверх нее на меня.

— Привет, сестренка.

Я киваю. Сажусь на прежнее место. Можно разжать пальцы и отложить кухонный нож. Можно расслабиться. Но пальцы не слушаются.

— Кофе будешь? — спрашивает Никки, уже таща его к столу.

— Буду. Постарайся не отравить — у меня сегодня много дел.

Он садится рядом, берет чашку, которую Никки сует ему в руки, и смотрит на меня в упор. Изучает. Как всегда.

— Выглядишь хреново, — говорит он без предисловий.

— Спасибо.

— Я серьезно. Ты спала вообще в последние дни?

— Может скажешь что-нибудь приятное, братишка? — я приподнимаю бровь, разворачиваясь к нему всем телом. Он ухмыляется. — Ты почти год меня не видел, пока я грела место для нашей семьи аж в Майами. Кстати, если тебе интересно, у нас есть все шансы протянуть руки и туда.

— Он уже все знает, — Никки пожимает плечами. — Готова поспорить, он своих людей даже к Вито подсунул. Правда Энцо?

Это правда. Лоренцо за годы научился лавировать. Он не лезет в открытую, но у него есть информаторы среди советников отца, среди охраны, даже среди приближенных Вито. Это его способ выживания — знать все и быть готовым ко всему. А, и самое главное, чему он нас научил: всегда быть полезным. Лоренцо ведет почти весь легальный бизнес семьи: алкоголь, недвижимость, рестораны — его вотчина. Даже Вито, который всех нас ненавидит, вынужден признавать, что Лоренцо приносит деньги.

Он делает глоток из своей чашки и морщится. Кофе, надо сказать, здесь правда дерьмовый. Он смотрит по очереди сначала на Никки, потом на меня. Ненавижу, когда он так делает.

— Витторио узнал, что ты в городе. Вот тебе приятное, — слышу как Никки уронила вилку, метнув в брата колкий взгляд. Сама спокойно отправляю в рот очередную порцию завтрака. Конечно этого следовало ожидать. Разве будет хоть один спокойный день, если ты родилась с клеймом Гамбино? Они знают каждый шаг, каждое передвижение. Только вот это давно не новость.

Телефон Никки разрывается тошнотворной трелью. Она, даже не взглянув, быстро сбрасывает звонок и откидывается на спинку стула.

— Cazzo, Франческа! Скажи что-нибудь, — не выдерживает она. Если бы не ее вопрос, мы с Энцо так бы и продолжили завтрак, будто ничего и не произошло.

— Что я должна сказать? — я смотрю прямо в ее черные глаза, голос ровный. — Что Вито — мудака? Это не новость. Что он мечтает избавиться от нас? Тоже. — Перевожу взгляд на брата. — Он хочет меня видеть?

Лоренцо тяжело вздыхает, проводит рукой по лицу.

— Всех нас, Фрэн. Он собирает совет сегодня.

Я чувствую как вилка в моей руке чуть вздрогнула. Потрясающе. Конечно, блять, давай прямо сегодня решим вопрос, который волнует меня последние несколько лет. Вито, гребаный, Гамбино. Хуже этого психа, только мой отец — кобель. Надеюсь они оба будут гореть в аду по соседству. Ежедневно бы видела их мучения и радовалась.

Видимо что-то в моих глазах развеселило брата и сестру. Я стараюсь придать лицу выражение холодной отстраненности, из-за которого чаще всего меня и называют сукой. Энцо кладет ладонь мне на колено и сжимает.

— Обожаю эти твои вспышки ярости, — он смеется. — Напоминают мне какая ты на самом деле, — он допивает кофе и со стуком ставит чашку на мраморный островок. — Так, сегодня в La Casa, в 7 вечера. Я жду вас обеих.

Он переводит взгляд с меня на Николетту, которая уже уткнулась в смартфон и с улыбкой на лице что-то печатает. Лоренцо выхватывает телефон из ее рук и почти припечатывает взглядом.

— К тебе у меня особая просьба, — с улыбкой протягивает он. Ни грамма веселья, скорее обещание отстрелить бошку. — Надень в этот раз что-то, что будет прикрывать твою задницу. У меня сегодня нет желания убивать кого-то из голодных псов Вито.

Секундная тишина и я взрываюсь смехом, видя поднятые руки Никки и ее скромную улыбку. Все мы помним, что Энцо сделал с охранником пару лет назад, когда случайно услышал в каких позах тот бы отымел его сестру.

— Я прослежу за ней, — отсмеявшись говорю я. Длина юбки точно будет целомудренной. Но красивую мордашку за тканью не спрячешь. Интересно, как ему еще не пришла в голову идея надеть на нас паранджу?

— Да, fratello, — она хлопает его по плечу, разворачивая к выходу. — Все будет путем. Если что, я сама в этот раз смогу прикончить ублюдков.

— Это очень меня успокаивает, — голос Энцо раздается уже из коридора. — В семь. Щелчок. Один. Два. На этот раз сестра все же заперлась изнутри.

Никки прислоняется спиной к двери, выдыхает, закатывает глаза к потолку.

— Ненавижу, когда он так делает. Как будто мы мелкие идиотки, которые без присмотра в лужу упадут.

— Ты и есть мелкая идиотка, — я допиваю остывший кофе и ставлю чашку в раковину. — Забыла?

Никки фыркает, отклеивается от двери и плюхается на диван, поджимая под себя длинные ноги. Футболка задирается, открывая идеальную кожу на бедрах. Она лениво тянется к телефону.

— Думаешь, Вито реально что-то задумал? Или просто вспомнил, что мы существуем?

— Вито ничего не делает просто так, — я иду в свою комнату, на ходу спрашивая: — Мишень на месте?

— Ага, — доносится из гостиной. — Хочешь сбросить пар?

Иду к себе, открываю спортивную сумку, которую привезла из Майами, и достаю ножи. Три метательных, с идеальным балансом. Лоренцо подарил на совершеннолетие.

В гостиной у Никки есть мишень — она держит её за шкафом-купе, чтобы уборщицы не видели. Я прохожу босиком, устанавливаю щит, отхожу на шесть метров. Выдох.

Первый нож входит в центр с глухим стуком.

— Хорошо пошло, — одобрительно кивает Никки, вставая рядом. Она берет свой нож, даже не целясь, отправляет его следом. В сантиметре от моего.

Мы метаем молча. Три подхода, потом еще три. Ножи входят в дерево, и этот звук успокаивает лучше любого психолога. С каждым броском я чувствую, как внутри отпускает. Мыслям становится легче, яснее.

— Думаешь, из-за Калабрезии весь сыр-бор? — спрашивает Никки, выдергивая ножи.

— Скорее всего. — Я возвращаюсь на линию. — Кому еще мы нужны.

— Вито Гамбино, — она закатывает глаза, кидает. — Ненавижу, когда он смотрит на нас сверху вниз. Как будто мы не родные.

— Для него мы не родные. Мы — бастарды. Ошибки отца.

— Пусть попробует сказать мне это в глаза, — она усмехается. — Я ему быстро объясню, кто тут ошибка.

Я улыбаюсь. Никки умеет злиться красиво. Но под этой внешней дурочкой — сталь. Лоренцо хорошо нас выучил. Мы не просто дети Альдо. Мы — оружие. Разведчицы. Солдаты. Зависит от ситуации и степени опасности. Мало кто будет подозревать красотку на шпильках.

— Ты поедешь, если предложат? — вдруг спрашивает она.

Я замираю с ножом в руке. Потом кидаю. Точно в центр.

— Да.

Она молчит. Подходит, забирает свой нож.

— Я так и знала.

— И не будешь отговаривать?

— А смысл? — Она пожимает плечами. — Ты все равно сделаешь по-своему. Ты всегда так делаешь.

Я киваю. Да, спорить сложно. Каков бы не был план, я всегда поступаю так как нужно мне.

Мы складываем ножи, убираем мишень. Время летит незаметно.

— Пора собираться, — говорю я.

Надеваю черное платье-пиджак, которое едва прикрывает задницу. Низкий пучок на голове заколот острой шпилькой. Никаких лишних украшений. Только глаза, подведенные так, что взгляд режет. Лоренцо, конечно, переживет мою длину юбки. А отрезать член любому, кто попробует тронуть, — это я смогу и сама.

В гостиной Никки мучается с застежкой на платье. Черном, облегающем каждую линию. Я подхожу и молча застегиваю молнию одним движением. Опускаю взгляд на ее ноги в лаковых красных туфлях. Никки, чтоб ее. Волосы распущены, макияж безупречный. Она похожа на рождественский подарок, который хочется развернуть. И который может взорваться в руках.

Машина Никки — черный «Порше» с тонированными стеклами — уже ждет возле входа. Она ведет агрессивно, как и все, что делает. Вечерний Нью-Йорк пролетает за окном, неоновые огни размазываются в цветные полосы. Я стараюсь не думать вообще ни о чем. Чтобы просто оставаться спокойной, чтобы не дать повода себя задеть.

— Франческа, — вдруг говорит сестра, не поворачивая головы. — Что ты будешь делать в Филадельфии? Одна

Я смотрю на дорогу перед собой. Что я буду делать? То, к чему готовилась столько лет.

— Работать. Ты же знаешь план.

Никки хмыкает. Сбрасывает скорость на повороте, потом снова вжимает педаль в пол.

— Интересно, скольких мужиков ты там успеешь уложить в постель, пока будешь ждать подходящего момента?

Я поворачиваю голову, смотрю на нее в упор. Она ухмыляется. Кто о чем, а Никки всегда о сексе.

— Что? Я просто интересуюсь стратегией.

— В Майами с этим проблем не было, — спокойно отвечаю я. Уголки губ приподнимаются в подобии улыбки.

Никки заливается смехом — звонким, искренним.

— Господи, Фрэн, ты развратница! — Она вытирает выступившие слезы. — Калабреззи даже не представляют, что их ждет.

— И не представят, пока не станет поздно.

Она кивает. На мгновение веселье исчезает.

— Только будь осторожна. Я не хочу тебя потерять.

Я киваю. Скорее себе. Никто не хочет терять сестру.

«La Casa» встречает приглушенным светом и запахом дорогого дерева. Ресторан Лоренцо. Он назвал его так не случайно — у бастардов нет дома, но есть место, где можно чувствовать себя в безопасности. Иронично, учитывая, что именно там нас ждет Вито со своей свитой.

Охранник на входе узнает Николетту, молча кивает. Мы проходим через основной зал — несколько столиков занято, но никто не поднимает головы. Здесь не бывает случайных людей. Все знают, кто платит за этот ужин, и чем может закончиться неуважение. Поэтому и пялиться на женщин, особенно на таких, никто не осмеливается.

Отдельная комната в глубине ресторана — большая, с длинным столом из темного дерева, тяжелыми портьерами и камином, в котором потрескивают дрова. Пахнет табаком и кофе, кожей и деньгами.

За столом уже сидят.

Лоренцо — расслабленный, в идеальном костюме, с чашкой эспрессо в руке — первый кого я вижу.

Витторио конечно занял место во главе, развалившись в кресле, с сигарой в зубах. Ему тридцать восемь, а мозгов, кажется, не больше чем у престарелого консьюльери Антонио. Где, кстати, эта старая змея?

А вот и он, по правую руку от Вито. Сколько он уже на этой должности? Лет сорок? Эта сволочь переживет нас всех. Он предан только власти, и не важно чьей.

Чувствую как пальцы сжимают клатч сильнее, чем необходимо. Вдох. Выдох. Никаких всплеск ненужных эмоций.

Боже, этого кто сюда позвал?

Рокко, капо Бостона. Здоровенный детина с разбитым носом. Абсолютная пешка Вито и верен ему как собака.

Замечаю у стен охрану. Руки скрещены, лица каменные. Ни одного знакомого лица, но на каждую крысу по двое солдат. Это что же? Вито переживает за свою безопасность рядом со своими сестрами?

Никки садится рядом с Лоренцо, посылая ему самую невинную улыбку. Он окидывает ее взглядом, задерживается на красных туфлях, потом переводит взгляд на меня. В его глазах — одобрение и легкая обреченность. Я сажусь напротив Витторио, скрещиваю ноги, смотрю прямо в его холодные глаза.

Отца нет. Конечно, нет. Дон Альдо уже несколько месяцев не покидает поместье — говорят, совсем плох. Должна ли я чувствовать хоть что-то? Сожаление? Печаль? Нет. Этот человек дал мне кров и образование, но никогда не считал меня частью семьи. Для него я просто ошибка, бастард от женщины из вражеского клана. Так что пусть горит в аду. Мне плевать.

— Спасибо, что пришли, — говорит Вито с усмешкой. Он противно растягивает слова и его «спасибо» звучит как оскорбление.

— Ты хотел нас видеть, — отвечаю я с ответной улыбкой. — Мы здесь.

— Вижу. — Он медленно обводит нас взглядом, задерживается на моем декольте, на ногах Никки. — Николетта, ты сегодня особенно... яркая. Новый любовник?

Никки улыбается — сахарно, приторно.

— Как же можно так говорить о сестре? Может быть, я рассчитываю, что ты объявишь о моей помолвке?

Рокко усмехается, быстро прячет лицо за стаканом. Антонио даже бровью не ведет. Вито багровеет, но сдерживается.

— Остроумно, — цедит он. Он скорее удавится, чем будет устраивать ее жизнь. — Ладно. Перейдем к делу.

Вито откидывается на спинку, затягивается сигарой.

— Хочу обсудить ситуацию с Калабрези.

Тишина становится гуще.

Калабрези — наша головная боль. Филадельфия, юг Нью-Джерси, фармация, стройки, недвижимость. И главное — игорный бизнес в Атлантик-Сити. Миллиарды долларов стекаются

в их карманы. Им нужен наш порт для поставок. Они готовы платить процент. Но война тлеет двадцать семь лет — с тех пор как наш отец спутался с Карлой Калабрезе.

Моей матерью.

— Отец хочет мира, — продолжает Вито. — Реального. Не перемирия, а союза. Чтобы мы контролировали побережье от Бостона до Филадельфии.

Лоренцо поднимает бровь.

— И что Калабрезе? Они согласны?

— Эмилио Калабрезе — старый дурак. — Вито выпускает дым и подается вперед. — Он готов на все, лишь бы сохранить власть. Но у него есть сын. Марчелло.

Имя врезается в грудь, как нож.

Вдох.

Вито смотрит на меня. Ждет. Провоцирует.

— Что, Франческа? Знакомое имя?

Внутри все закипает. Холодная, липкая ярость поднимается из желудка, сжимает горло. Марчелло, сука, Калабрезе.

Выдох.

Я медленно достаю из клатча сигарету. Закуриваю. Выдыхаю дым в его сторону. Убираю с лица все эмоции. Я не дам ему удовольствие видеть то, что внутри.

— Мы все знаем это имя, — говорю ровно, слегка наклоняя голову.

— Знаете. — Он усмехается. — Особенно ты. Ведь это он убил твоих приемных родителей, верно?

Какое же ты наслаждение получаешь, да, Вито? Любишь тыкать в больное, ублюдок. Интересно, у тебя вообще душа есть или вместо нее дыра, как у старого Антонио?

— Да, — отвечаю я.

— И ты хочешь мести.

— Я хочу справедливости.

Вито смеется — коротко, неприятно.

— Справедливости... В нашем мире нет справедливости, девочка. Есть только сила и выгода. — Он тушит сигару. — Но я позвал тебя не обсуждать твои чувства. У меня есть предложение.

Он кивает Антонио. Старик встает, разворачивает на столе карты.

— Смотрите, — Вито подходит к карте. — Нью-Йорк наш. Бостон мы делим с ирландцами, там пока стабильно. Филадельфия вся под Калабрезе, включая Нью-Джерси. Мы можем действовать открыто: перебить их и забрать Атлантик-Сити. Но война — это кровь, потери, внимание федералов, — он поворачивается ко мне. — А можем сделать все тихо. Подослать кого-то, кто войдет в доверие, узнает все схемы, слабые места, а потом... одним ударом уничтожит верхушку.

Тишина.

Лоренцо медленно ставит чашку.

— Ты предлагаешь Фрэн стать двойным агентом?

— Я предлагаю ей возможность, — Вито смотрит на меня. — Ты же хотела мести? Вот твой шанс. Убей Марчелло, и клан развалится. А мы заберем все, что когда-то принадлежало им.

Я затягиваюсь сигаретой. Внутри — ледяная ясность.

— И как ты себе это представляешь? — усмехаюсь я. — Я приду в Филадельфию и скажу: «Ciao, Марчелло. Я по твою душу»?

— У тебя прекрасная легенда. Мы всей семьей работали на нее много лет. — Антонио подает голос — скрипучий, как несмазанная дверь. «Семьей?» Он что, блять, издевается? — Не стану напоминать тебе в какую сумму обошлось твое образование в медицинской школе.

Ты отличный врач. С безупречным опытом и рекомендациями. А у Марчелло, как известно, сеть клиник в городе. И нанимает он только лучших. Мы подготовим все документы.

Лоренцо смотрит на меня с тревогой. Страх нет — уже хорошо. Он верит, что я справлюсь.

— Франческа, ты не обязана, — говорит он, но это просто слова.

— Нет. Я хочу, — перебиваю я. — Я ждала этой возможности двенадцать лет.

Это правда.

Вито довольно улыбается.

— Вот и отлично. Тогда решено.

— Не так быстро, — я тушу сигарету и медленно поднимаюсь, подхожу к нему. — Если я убью Марчелло, что дальше?

— Неверный вопрос, «сестра». — Вито делает шаг в мою сторону. — Сначала узнай все.

Структуру, связи, слабые места. Мы ударим по всем сразу.

— А если они поймут, кто я?

— Тогда ты умрешь, — он пожимает плечами. — Но ты ведь и так знаешь, на что идешь.

Никки сжимает кулаки. Я чувствую ее ярость.

— А ты? — я смотрю Вито в глаза. — Что будешь делать ты?

Он усмехается.

— Я буду здесь. Готовить почву. А когда все закончится — скажу отцу про мой гениальный план. И получу то, что заслуживаю.

Губы Лоренцо медленно растягиваются в улыбке.

— Ты всегда умел красиво подставить других.

— Это стратегия, — Вито поправляет манжеты, будто уже знает ответ. — Решай, Франческа. Ты согласна?

Я смотрю на карту. На Филадельфию.

Двенадцать лет я шла к этому.

— Согласна.

Вито кивает.

— Тогда уже завтра ты должна быть на месте. Лоренцо введет тебя в курс дела, — он идет к выходу, но у двери останавливается. — И еще. Твоя мать ведь была кузиной Эмилио? Помни, что в твоих жилах течет кровь Калабрезии. Так что не удивляйся, если они примут тебя за свою.

Я смотрю на него. Как бы тебе доходчивее объяснить, что я уже на грани

— В моих жилах не больше калабрийской крови, чем в твоих — ирландской.

Вито багровеет. Его мать была ирландкой, и он ненавидит, когда ему напоминают об этом. Но он ничего не говорит. Просто выходит. Следом комнату покидают и остальные.

Никки выдыхает.

— Ты с ума сошла. Он это тебе не простит.

— Да пошел он, — я поправляю платье. Смотрю на Энцо. — Виски есть?

Лоренцо молча достает бутылку из встроенного в стену высокого шкафа, разливает по трем стаканам. Даже по аромату понятно, что напиток не из дешевых.

Никки тут же сбрасывает туфли, плюхается на диван, поджимая ноги. Я сажусь в кресло напротив.

— Ну и как вам «гениальный» план этого психа? — Энцо прищуривается, анализируя нашу реакцию.

— Как всегда, — начинает Никки, — полная хрень.

Я усмехаюсь.

— Ну почему же? В случае провала, он избавится от меня. И развяжет кровавую бойню вашими руками. Уберет сразу троих с шахматной доски, даже не запачкав руки.

Я смотрю в одну точку на столе. И знаю, что у брата и сестры сейчас такой же обреченный взгляд.

— Тогда за бастардов, — Лоренцо поднимает свой бокал.

Никки тянется к стакану. Я беру свой.

— За бастардов.

— Чтобы выжили.

— И отомстили.

Глава 2

Марчелло

Нью-Йорк воняет.

Серьёзно. Я стою в пробке на Вест-Сайд Хайвей уже сорок минут, за окном выхлопы, гарь, сырой воздух с реки — вся эта хрень пропитывает салон, несмотря на кондиционер. Санти за рулём молчит, только пальцы постукивают. Тоже бесится. Я его понимаю. Мы оба предпочли бы быть где угодно, только не здесь.

Порты контролируют Гамбино. Тридцать лет назад отжали и теперь держат за яйца каждого, кому нужно что-то провезти. Оружие, контрабанда — всё идёт через них. Хочешь работать на восточном побережье — плати.

Я хочу.

Отец, стратег хренов, решил, что отправлять наследника Калабрезе в логово врага — отличная идея.

«Ты должен учиться, Марчелло. Вести переговоры. Покажи им, что мы не боимся».

Я не боюсь, папуль. Я просто ненавижу тратить время на этих козлов. Но тебе не объяснишь. Тебе лишь бы отправить меня подальше, чтобы ты мог спокойно дышать.

— Шеф, — Санти кивает на вывеску порта. — Приехали.

— Вижу.

— Встреча в администрации. Третий этаж. Лоренцо Гамбино уже ждет.

— Надеюсь, он хотя бы кофе сварил приличный. После такого перегона мне нужно что-то, что вернёт меня к жизни.

Санти усмехается, но быстро прячет улыбку. Знает, что я не в настроении шутить. Он вообще много знает. Санти со мной больше десяти лет, и за это время ни разу не задал лишнего вопроса. Просто делает свою работу. Охраняет, возит, иногда слушает, когда мне надо выговориться. За это я его и ценю.

Выхожу из машины. Охрана рассредоточивается у входа — двое остаются снаружи, ещё двое идут со мной. Санти рядом. Потому что в этом районе даже днём можно получить пулю просто за красивый костюм.

Здание администрации — типичная нью-йоркская коробка. Стекло, бетон, пластик. Лифт пахнет дезинфекцией, как в больнице. Третий этаж, длинный коридор, дверь в конце.

Охрана Гамбино у входа. Два амбала, смотрят так, будто я уже должен им денег. Проверяют, кивают.

Открываю дверь.

Комната переговоров безликая до безумия. Длинный стол, стулья с высокими спинками, на стенах — фотографии порта в разные годы. У окна, спиной ко мне, стоит высокий мужчина в идеальном светло-сером костюме. Смотрит на воду. Картинная поза, блядь. Как будто он здесь хозяин жизни, а я так — пришёл просить милостыню.

— Марчелло Калабрезе, — говорит, не оборачиваясь. Голос спокойный, с лёгкой иронией. — Заходи. Любуюсь видом. Ты же не против?

— Мне насрать, чем ты любишься, Лоренцо. Давай к делу.

Он оборачивается.

Щегол. Светлые волосы зачёсаны назад, голубые глаза, улыбка вежливая, как у продавца в бутике. Костюм сидит идеально — даже после целого дня не помялся, сволочь. И взгляд... ни капли страха. Только любопытство. Как у кота, который играет с мышью перед тем, как сожрать.

— Кофе? — кивает на кофемашину в углу. — Свежемолотый. Доставляют прямиком из Неаполя.

— Чёрный. Без сахара.

Он наливает сам. Подаёт чашку. Рука не дрожит. Взгляд прямой, хотя просто сквозит презрением. Или мне кажется? Наверное, не кажется. Он бастард, но всё же Гамбино. Для них мы — враги.

Садимся за стол.

— Сам капо Филадельфии, — Лоренцо откидывается на спинку, рассматривает меня, как насекомое под микроскопом. — Лично. Я польщён. Но где же твой отец? Я готовился к встрече с боссом.

Усмехаюсь. Ну конечно. Ждали папочку.

— А я рассчитывал поговорить с капо Нью-Йорка. Но, видимо, Вито занят более важными делами. Чем же он там занимается? Считает деньги? Или прячется от тех, кому должен? Лоренцо улыбается. Тонко, одними уголками губ.

— Мой брат не прячется, Марчелло. Он просто не разменивается на визиты наследников. Когда придёт твой отец — поговорит с ним. Если тот, конечно, доживёт. Говорят, он неважно себя чувствует в последнее время.

— Мой отец прекрасно себя чувствует. Спасибо, что интересуешься.

Пауза. В комнате тихо, только кондиционер гудит. Мы смотрим друг на друга. Я представляю, как достаю пистолет и простреливаю его красивую морду. Прямо между этих голубых глаз. Кровь зальёт белоснежную рубашку, он сползёт по стулу, и эта его вежливая улыбка наконец исчезнет.

— Тяжело быть наследником, — говорит он задумчиво. — Отец вечно недоволен, сестра... У тебя же есть сестра? Беатриче, кажется? Тоже, наверное, норовит урвать кусок пожирнее.

— Моя сестра не лезет в дела семьи, — прозвучало грубее, чем я ожидал. Ну а чего он хотел?

— Ах да, она же у тебя бухгалтер. — Лоренцо делает глоток кофе. — Я слышал, она даже на люди не выходит без своих дурацких очков. И кардиганов, скрывающих всё, что можно скрыть.

Внутри всё закипает. Если бы мы были не за столом переговоров, я бы уже вырвал ему язык. Но мы приехали заключить сделку. И я улыбаюсь.

— Ты, я смотрю, хорошо осведомлён о моей семье. А я о твоей — не очень. Что там у вас? Старший — псих, младшая — дура? Говорят, Nicoletta продолжает спускать состояние в бутиках.

Лоренцо смеётся. Вживую. Заразительно даже. А должен был бы разозлиться.

— О, Nicoletta — это отдельная песня. И чего только не простишь сестре за красивую мордашку, верно? — он делает вид, что задумывается. — Хотя, откуда тебе знать

Я сжимаю чашку. Костяшки белеют. Фарфор жалобно поскрипывает. Лоренцо замечает. Улыбается шире. Ему нравится меня бесить. Он получает от этого удовольствие. Нужно заканчивать этот фарс, пока я не превратился в чудовище и не развязал войну, которая нахрен никому не нужна.

— Давай к делу, — говорю я ровно, ставя чашку на стол. — Мне нужен доступ к порту. Контейнеры будут доставлять раз в месяц. Товар — медицинское оборудование. Легально, с документами.

— Легально? — он приподнимает бровь. — С каких пор Калабрезе возят легально?

— С тех пор, как мы открыли клиники и фонды. А ты, я смотрю, не следишь за новостями. Или твои информаторы плохо работают.

— Слежу. Просто не верю.

— Это твои проблемы. Цена?

Лоренцо ставит чашку. Смотрит на меня в упор. Теперь он серьёзен. Игра закончилась, начался бизнес.

— Двадцать процентов.

— Десять.

— Восемнадцать.

— Двенадцать. И я подумаю, не начать ли мне искать другие каналы.

— Других каналов нет, Марчелло. Ты же знаешь. На всём восточном побережье порты наши.

— Значит, мне придётся их создать. Ты же не хочешь новых конфликтов?

Он молчит. Долго смотрит. Потом достаёт пачку сигарет, протягивает мне.

— Я не в настроении для перекура.

— Зря. Нервы у тебя ни к черту.

Закуривает сам. Выдыхает дым в потолок. Следит за ним глазами, будто там написано решение.

— Пятнадцать. Это последнее слово. И мы гарантируем сохранность. Никто не тронет твой груз на нашей территории.

— Четырнадцать. И я согласен.

— Четырнадцать с половиной, — он слегка улыбается, прищурившись. — Чтобы я выглядел прилично перед своим братом.

Усмехаюсь. Торгуется, гад. Но умеет. Не переживает, не ломается. Знает цену.

— Идёт.

Встаём. Пожимаем руки. Его ладонь сухая, твёрдая. Рука убийцы, в гребаной перчатке вежливости. Интересно, скольких он уже убил? Или предпочитает, чтобы убивали другие? Такие, как он, обычно пачкаются редко.

— Надеюсь, сделка, заключённая с тобой, имеет силу, — говорю холодно. — А то вдруг твой брат решит, что ты не имел права договариваться?

— Имеет, — Лоренцо улыбается. — Вито занят другими вещами. Ему не до порта.

— Чем же?

— Своими демонами. — Он тушит сигарету. — Рад был повидаться, Марчелло. Передавай привет отцу. И сестре. Особенно сестре.

— Сам передашь, если рискнёшь сунуться в Филадельфию.

— Рискну. Обязательно рискну. У нас теперь общий бизнес. Надо будет встретиться, обсудить детали. Может, даже поужинаем. Я знаю отличные места.

Мы смотрим друг на друга ещё секунду. Потом я разворачиваюсь и выхожу.

В коридоре выдыхаю.

Ну и день.

— Всё в порядке, шеф? — Санти косо поглядывает на дверь, будто за ней сам дьявол.

— Да. Пошли отсюда.

В машине молчу минуты три. Смотрю в окно на портовые краны. Мы выгружаем с территории порта и Нью-Йорк снова встречает нас пробками.

— Иногда я думаю, — говорю вполголоса, — проще было бы жениться на ком-то из Гамбино, чем платить им за порт.

Санти косится на меня.

— На ком, шеф? На Вито?

— На Nicolette

Санти молчит. Ждёт, что я скажу дальше.

— Но нахрен, — усмехаюсь. — Жена — это ответственность. А жена из Гамбино — это шпионка в моём доме. Лучше сразу себя кастрировать.

Санти выдыхает и я вижу как на его лице появляется едва заметная улыбка.

Как только въезжаем в Филадельфию, звонит телефон. Беатриче. Будто чувствует, что я вернулся.

— Ты где? — голос сестры напряжённый.

— В пути. Только что из Нью-Йорка.

— Как прошло?

— Нормально. Четырнадцать с половиной.

Она выдыхает и я почти вижу, как она сдавливая переносицу пальцами. Дурацкий жест.

— Дорого. Отец будет недоволен.

— Знаю. Но выбора нет.

В её голосе появляется злость.

— Отец отправил тебя в логово врага, чтобы ты там договаривался, как мальчик на побегушках. Он специально нас разводит, Марчелло. Чтобы мы не стали угрозой для него.

— Я знаю, Беа.

Смотрю в окно. Мы проезжаем мимо небоскрёбов Liberty Place.

— Санти, тормозни у башни, — говорю вполголоса, прикрыв динамики.

Он сбрасывает скорость. Беатриче в трубке вздыхает.

— Только не говори, что пойдёшь сейчас вытрясать душу из своей подстилки.

— Беа...

— Фу, Марчелло. Мне противно.

— Ты бы лучше тоже сняла напряжение. Выдохнула.

— Напряжение я сниму в зале. Ты главное не повесь на себя сифилис.

— Стерва. — усмехаюсь. — Дорогая моя сестра, у тебя язык острее моего ножа.

— Предохраняйся, придурок. И не задерживайся. Отец ждёт.

Она отключается и я выхожу из машины.

Лифт пахнет дешевым освежителем и чужими духами. Нажимаю пятнадцатый. Зеркало напротив показывает уставшую рожу в помятом костюме. Галстук съехал, под глазами тени. Красавец, блядь.

Анна, моя умная, исполнительная ассистентка, ведет все мои легальные дела — фонды, документы, благотворительность. Три раза в неделю она делает кое-что еще. Иногда четыре. Зависит от того, насколько хреновый был день.

Никаких чувств. Никаких эмоций. Никаких «а давай сходим на ужин». Просто работа и разрядка. Я плачу ей столько, что она могла бы купить небольшую квартиру в центре. Ей этого достаточно.

Надеюсь.

Вхожу без стука.

Офис непримечательный — стекло, хром, бежевые стены. Солнце бьет в окна, пыль танцует в лучах. Она сидит за столом, что-то печатает, склонив голову. На ней строгая юбка-карандаш, белая блузка, туфли-лодочки на тонком каблуке. Волосы стянуты в тугий пучок, на губах розовая помада — дурацкий цвет, но ей идет.

Услышав шаги, она поднимает голову. В глазах — удивление. И радость. Слишком много радости, мать ее.

— Марчелло! Ты не предупредил, я бы...

— Запри дверь.

Она встает, идет к двери. Я смотрю, как двигаются бедра под тканью. На каблуках ноги выглядят еще длиннее. Пальцы сами сжимаются в кулак. Мысленно я уже там, внутри нее, выбиваю все дурь из своей головы. Она щелкает замком, поворачивается, прислоняется спиной к двери. Грудь вздымается чаще. Глаза блестят.

— Тяжелый день? — спрашивает тихо, чуть охрипшим голосом. Знает, что это мне нравится.

— Подойди.

Она подходит. Медленно, будто дразнит. Останавливается в полушаге — достаточно близко, чтобы я чувствовал запах ее духов, и достаточно далеко, чтобы тянуться. Глупая игра. Я беру ее за затылок, сжимаю волосы в кулак, притягиваю к себе. Целую жестко, требовательно, врываясь языком. Без нежности. Без прелюдий. Она отвечает — языком, губами, прижимается всем телом, пальцы впиваются в мои плечи. Хорошо отвечает, черт возьми. Знает, как надо.

Разворачиваю, толкаю ее к столу. Она упирается руками в столешницу, прогибается в спине, отставляя задницу. Идеально. Юбка задирается, открывая кружево чулок — черное, французское, дорогое. Ждала. Знала, что приду.

— У меня мало времени. Так что никаких разговоров.

— Да, — выдыхает она, и в этом выдохе — готовность на все.

Задираю чертову юбку до талии. Мои пальцы скользят по ее спине, по позвоночнику, чувствуют, как она дрожит. Или мне кажется? Плевать.

Она ждет, дышит часто, смотрит через плечо. В глазах — голод.

Вхожу резко, одним толчком. Она вскрикивает, впивается ногтями в стекло. Я закрываю глаза и просто двигаюсь. Ритмично. Глубоко. Жестко. Выбиваю из себя весь день — Лоренцо с его улыбочкой, проценты, порт, отца.

Анна стонет, что-то шепчет. Я не слушаю. Слова не важны. Важен ритм. Важно, как сжимается все внутри нее, как она подается навстречу. Важно, что с каждым движением голова становится чище. Ярость уходит в нее, оставляя меня пустым.

Она кончает — быстро, судорожно, вскрикивая и расслабляясь. Я даже не замедляюсь. Мне нужно получить свое. Еще несколько толчков — и я взрываюсь, утыкаясь лбом ей между лопаток. Стою так секунду, ловя дыхание. Мышцы дрожат.

Выхожу. Поправляю брюки. Затягиваю ремень.

Она медленно выпрямляется, поворачивается. Щеки горят, губы припухли, помада размазана. Глаза мутные от возбуждения. И в них — надежда. Господи, опять эта надежда. Смотрит на меня, как щенок, который ждет, что его поглядят.

— Марчелло...

— Не надо, — голос ровный. Не хочу смотреть ей в глаза, не хочу слышать, что она скажет.

Достаю бумажник. Вытаскиваю несколько купюр — даже не считаю. Кладу на тумбочку. Много. Очень много.

— Купи что-нибудь.

Она смотрит на деньги. Потом на меня. Губы дрожат. Глаза становятся мокрыми — по-настоящему, слезы уже наворачиваются.

— Я не за деньги... — голос срывается, почти шепот.

— Знаю. Поэтому и даю.

Разворачиваюсь и выхожу. Пока не разревелась. Пока не сказала того, что заставит меня чувствовать себя еще хуже.

Дверь закрывается. Щелчок замка. И тишина.

В коридоре останавливаюсь, прислоняюсь к стене. Закрываю глаза на секунду.

Что она там говорила? «Я не за деньги»... Блядь. А за что, интересно? За красивые глаза? За то, что я такой замечательный? Мы же договаривались.

Придется искать новую. Опять. Потому что эта начала верить в сказки. Будто я могу быть кем-то другим.

Выдыхаю. Толкаюсь от стены. Иду к лифту.

Четырнадцать с половиной процентов. Лоренцо, сука, выторговал. Хотя мог бы и восемнадцать выбить, если бы надавил. Но не стал. Почему? Потому что умный. Потому что знает, что война никому не нужна. Пока не нужна.

Интересно, Вито реально псих или просто прикидывается? Лоренцо на его фоне просто ангел. Но ангелы, блядь, самые опасные твари в нашем мире.

Лифт приезжает. Захожу. Еду вниз. В ушах звенит от тишины.

Беа права. Отец нас разводит. Специально отправляет меня в Нью-Йорк, а её заставляет сидеть с бумажками. Чтобы мы не встречались, не говорили, не планировали. Бойтся. Чувствует, что мы сильнее. Что если объединимся — он нам станет не нужен.

А он нам и не нужен. Только Беа пока не готова. Бойтся сорваться. Бойтся, что если убьёт ещё раз — крыша поедет окончательно.

Я её понимаю. Но время не ждёт. Отец ищет способы от нас избавиться. Женится даже, хочет новых наследников.

Первый этаж. Двери открываются.

Иду к выходу. Лобби большое, светлое, люди снуют туда-сюда. Кто с кофе, кто с телефонами, кто просто так.

Надо позвать Беатриче к себе. Поговорить. Решить, что делать с отцом. Может, пора уже...

Сильно задеваю кого-то плечом.

— *Che cazzo fai?* — злой женский голос. — Мудила!

Я замираю. Оборачиваюсь.

Девушка. С пробежки. В леггинсах и топике, на голове бейсболка, в ушах наушники. Уже идёт к лифтам, даже не оглядывается. Волосы тёмные, собраны в хвост. Загорелая кожа. И осанка... такая, будто она здесь хозяйка, а я так — случайный прохожий на её пути.

— Чего? — говорю вслух.

Она не оборачиваясь показывает мне средний палец. Чётко, уверенно.

Вот сука.

Я смотрю ей вслед. Она скрывается в лифте. Даже лица не разглядел толком. Но сказала она... по-итальянски. *«Какого хрена делаешь?»*

Интересно.

Если бы не надо было срочно к отцу с отчётом, догнал бы. Просто чтобы посмотреть в глаза. Посмотреть, кто эта смелая женщина, которая посылает незнакомых мужиков в лобби.

Хотя... может, и к лучшему. После такого приключения гнев немного отпускает. Даже забавно.

Выхожу на улицу. Сажусь в машину.

— Куда теперь, шеф? — спрашивает Санти.

— К отцу. Пусть порадуется своим победам.

— Все в порядке?

— Да так... — смотрю в окно, на башню. — Девушку встретил. Послала меня нахер.

Санти хмыкает, его брови удивленно поднимаются.

— Красивая?

— Не видел.

— А послала как?

Я качаю головой, усмехаясь.

— Громко.

Он смеётся, параллельно отправляя смс. Я тоже. Хорошо, что он понимает все без лишних вопросов. Машина послушно вырывается на шоссе.

— Санти.

— Да?

— Узнай, кто живёт в этой башне. Все жильцы, офисы, арендаторы. Мне нужен список.

— Уже, босс. К вечеру будет вся информация.

Я киваю.

Филадельфия проплывает за окном. Серый город, серые люди. И где-то там, в этой серости, есть бесстрашная девушка, которая сказала «мудила» так, будто знает меня сто лет.

Хороший день.

Надеюсь, отец его не испортит.

Особняк Калабреззи стоит на окраине, в районе, где богатые люди прячутся за высокими заборами от реальности. Два этажа, старый камень, увитый плющом, парк с фонтаном, который зимой не работает. Всё должно выглядеть солидно, дорого, опасно. Все так и выглядит.

Ворота открываются. Охрана узнаёт машину и пропускает внутрь.

Выхожу. Воздух здесь чище, но пахнет всё равно сыростью. И лицемерием.

Внутри всё как всегда. Мраморный пол, хрустальные люстры, картины в золочёных рамах. Отец считает себя ценителем искусства, хотя не отличает Рембрандта от Ван-Гога. Лестница на второй этаж расходится двумя крыльями. Налево — крыло отца и его новой жены. Направо — моё и Беатриче. Мы там почти не живём, но комнаты держим. Для вида.

Иду на второй этаж. Кабинет отца в конце коридора. Дверь дубовая, тяжёлая. Охрана снаружи кивает. Значит, ждут только меня.

Кабинет выглядит как зал заседаний мафиозного синдиката из плохого кино. Длинный стол из красного дерева, на стенах — портреты предков, которые наверняка воровали не меньше нашего, тяжёлые портьеры на окнах. Пахнет сигарами и полиролью.

За столом — отец. Босс. Эмилио Калабреззи. Седеющий, с лицом, которое не выражает эмоций, когда надо, и выражает презрение, когда не надо. Сидит во главе, как паук в центре паутины.

Справа от него — консьюльери. Винченцо Матерацци. Старый, сморщенный. Лысый череп блестит в свете лампы так, что хочется зажмуриться и никогда больше не видеть этой рожи. Он с отцом ещё с тех времён, когда Калабреззи почти ничего не имели. Предан ему, как пёс, и так же опасен.

Слева — Паоло Росси, капо Нью-Джерси. Пятидесятилетний мужик с цепким взглядом и руками, которые помнят не один десяток задушенных.

Рядом с отцом, чуть поодаль — Беатриче.

Моя сестра. Мой близнец. Моя половина, хотя никто, кроме нас, этого не понимает.

На ней дурацкий кардиган — серый, мешковатый, скрывающий фигуру. Волосы стянуты в тугий хвост, на носу — очки в тонкой оправе. Она сидит, уткнувшись в бумаги, и делает вид, что проверяет цифры.

Никто не знает, что эти бумаги — только прикрытие. Что она считает не проценты, а шаги охраны, выходы, слабые места. Никто не знает, что эта серая мышь — лучший убийца, которого я когда-либо видел. Кроме меня.

— Марчелло, — отец не встаёт. Кивает на место напротив. — Садись. Докладывай.

Я сажусь на свое место. Смотрю на него. Прямо, без тени сомнения.

— Четырнадцать с половиной процентов. Доступ к порту будет обеспечен раз в месяц. И они дают гарантию сохранности груза.

— Это очень много, — скрипит Винченцо.

Я смотрю на него. На его лысую бошку, на старческие пятна, на морщинистую шею. Представляю, как беру его за затылок и с размаху бью головой об этот полированный стол. Раз. Хруст. Два. Кровь заливает красное дерево, он дёргается, хрипит... Да. Именно так я и сделал бы.

— Это лучшая цена, — спокойно продолжаю я. — Лоренцо Гамбино умеет торговаться. Я выбил максимум. Он мог остановиться на двадцати.

— Лоренцо? — отец приподнимает бровь. — А Витторио почему не пришёл?

— У него дела поважнее. Демоны там какие-то. Или просто решил, что я не достоин разговора с будущим боссом.

— Молокососы, — усмехается отец. — Совсем не уважают.

— Даже хорошо, что встречу провел Лоренцо, — я откидываюсь на спинку стула. — Он бизнесмен. Никто кроме него не предоставил бы нам таких условий.

Паоло Росси хмыкает.

— Гарантии Гамбино... всего лишь слова. Но порт нам нужен. Без него мы застрянем с поставками в Атлантик-Сити.

Да что ты знаешь про этот город, ублюдок? Это моя территория. Казино, отели, игорный бизнес — всё подо мной. Я поднял это дерьмо из грязи, превратил в стабильный доход. Пока отец играл в босса с сигарой, я вкалывал, договаривался с отельерами, отмывал деньги через легальные заведения. И теперь все это приносит доход больше, чем весь нелегальный бизнес Нью-Джерси.

— В Атлантик-Сити всё стабильно? — спрашивает отец, глядя на меня.

Чувствую как дергается мускул на щеке, как ручка в моих руках вот-вот треснет.

— Да. Поток растёт. Но нам нужно расширяться. Ирландцы суются со своими винокурнями. Мало им Бостона, теперь хотят долю в казино.

— Ирландцы... — Винченцо кривится. — Шеймус Маккенна уже не знает, куда деть свой виски. Лезут везде.

— Вот именно, — поддерживаю я. — Если мы не усилим позиции, они смогут забрать часть. Нужен союз с Гамбино, чтобы закрыть им доступ к портам. Иначе они через свои каналы начнут вливать контрафакт.

Отец задумывается. Потом переводит взгляд на Беатриче.

— Беатриче. В ближайшее время проверишь все доходы с Атлантик-Сити лично. Мне нужны цифры, которые я могу показать Гамбино, если дойдёт до объединения. И без ошибок.

Она поднимает глаза, кивает.

— Конечно, отец. Сделаю.

В её голосе ни тени эмоций. Только послушание. Но я знаю: внутри она уже прокручивает, как с минимальными усилиями вытащить из этой проверки максимум информации для нас.

— Хорошо, — отец откидывается в кресле. — Марчелло, можешь идти. А ты, Беатриче, останься. Я хочу кое-что обсудить.

Я встаю. Выхожу. Нужно дождаться сестру, нам есть о чем поговорить.

В коридоре меня настигает голос:

— Марчелло! Дорогой! Ты уже вернулся?

Лючия.

Новая жена отца. Язык не повернется назвать ее мачехой: она младше меня и Беатриче на пять лет. Блондинка с формами, которые она выставляет напоказ даже в домашнем халате. Красивая, глупая и опасная тем, что может родить отцу нового наследника. И тогда нас с Беа отправят в утиль. Или хотя бы попытаются.

Лючия выплывает из гостиной. Шелковый халат распахнут ровно настолько, чтобы я видел кружево белья. Подходит ко мне, кладёт руку на грудь.

— Ты такой хмурый, — голос мурлыкающий. — Тяжёлый день? Оставайся на ужин. Я велела приготовить твоё любимое...

Её пальцы на моей груди — как прикосновение змеи. Я чувствую, как мышцы каменеют, как челюсть сжимается. Внутри всё орёт: убери руку, сука. Сейчас. Иначе я её сломаю. В прошлый раз она предлагала родить «наследника» мне — от отца же толку мало, а кровь должна продолжаться. Меня тогда чуть не вывернуло прямо на ее туфли. И тошнит, кстати, до сих пор.

— Спасибо, Лючия, — холодно отвечаю я. — В другой раз. У меня дела.

Она не убирает руку. Смотрит в глаза, улыбается. Провоцирует.

— Мы же семья. Надо чаще собираться вместе, общаться... Ты такой занятой, Марчелло.

Беатриче выходит из кабинета. Замирает на секунду, глядя на нас. В её глазах — сталь.
— Беатриче, дорогая, — Лючия поворачивается к ней, не убирая руки с меня. — Как прошло совещание? Вы такие молодцы, работаете, а я тут скучаю одна...

— У нас всё хорошо, — отвечает Беа ровно.

— Я провожу Марчелло, — Лючия снова смотрит на меня. — Нам нужно обсудить кое-что. По хозяйству.

— Не нужно, — я осторожно беру её запястье и убираю руку. Слишком осторожно. Потому что если сжать сильнее — кости хрустнут.

Мы с Беа уходим. Слышу за спиной её смех. Или мне кажется?

На улице я выдыхаю. Воздух холодный, резкий.

— Тварь, — говорю я, зажмуриваясь.

— Я предупреждала, — Беа открывает водительскую дверь, но не садится. По глазам видно ее гнев. — Она тебя хочет. И не только в постель. Она хочет, чтобы ты убил отца и сделал её своей женой. Хренова королева.

Сажусь в машину рядом с ней.

— Я скорее удавлюсь.

— Знаю. И если дойдет до бойни, эту суку я убью первой, — она резко вырывает со двора, слышно только гравий из-под колес.

— Куда едем?

— На ринг.

Я усмехаюсь. Знаю это место. Подземный зал, где она сбрасывает напряжение. Где мы иногда встречаемся, чтобы не убивать людей. Потому что если не выпускать пар — крыша едет окончательно.

Едем молча. Минут двадцать. Зал на окраине, в промзоне. Вывеска «Спортклуб», но внутри — ринг, груши, маты. Никого. Беатриче договорилась.

Внутри пахнет потом, кожей и железом. Любимый запах.

Беатриче раздевается. Снимает этот уродливый кардиган, очки, стягивает волосы в хвост. Под серой тряпкой — спортивное тело. Ровный загар, кубики пресса, шрамы, которых никто не видит. Она надевает шорты и майку, бинтует руки. Движения точные, выверенные.

Я тоже переодеваюсь. Мы выходим на ринг.

— Правила? — спрашиваю, прищурившись.

— Никаких правил.

Она атакует первой. Серия ударов — быстрых, точных, как у машины. Я блокирую, ухожу, отвечаю. Попадаю по корпусу. Она даже не морщится.

— Хорошо, — резко выдыхает сестра.

— Не расслабляйся.

Мы кружим. Я наношу удар — она ныряет, бьёт в корпус. Больно. Твою мать, как же больно. Но это правильная боль. Чистая. Не та, что в душе, когда думаешь об отце, о Лоренцо, о Лючии. Эта боль лечит.

— Отец... — удар, блок, — ...хочет выдать меня замуж.

— Что? — я пропускаю удар в челюсть. Голова звенит. — За кого?

— За Вито Гамбино.

Я замираю.

Гамбино? Замуж за психа Вито?

Она пользуется моментом — бьёт в печень. Сгибаюсь, хватая воздух. В глазах темнеет.

— Не отвлекайся! — кричит она.

Выпрямляюсь. Смотрю на неё. В глазах — ни страха, ни паники. Только хищный блеск. И злость. Такая же, как у меня.

— За Вито? — переспрашиваю. Она кивает.

— Говорит, союз с Гамбино укрепит позиции. Ирландцы не сунутся, если мы породнимся.

— И ты согласна?

Она усмехается. Хищно, зло. Узнаю свою сестру.

— А ты как думаешь?

Я смотрю на неё. На её стойку. На её глаза. И вдруг из моей груди вырывается смех. Дикий, неподконтрольный. Мою сестру невозможно заставить делать то, чего она не желает. Она скорее пустит папаше пулю в лоб, чем выйдет замуж. Боль в печени отпускает.

— Представил картину, — пытаюсь стереть слезы от смеха. — Ты выходишь за Вито и в первую брачную ночь...

— Отрезаю его крошечный член, — заканчивает она спокойно.

Она снова атакует. Я блокирую, перехожу в контратаку. Серия ударов — корпус, голова, корпус. Она уходит, но один пропускает. Прямо по скуле. Рассечение? Нет, просто краснеет. Завтра будет синяк.

— Тогда уж точно сорвёшься, — говорю, тяжело дыша. — Устроишь кровавую баню. Всем Калабрезе придётся зачищать за тобой. Отец будет в ярости.

Она улыбается. И бьёт. Сильно, зло. Я едва успеваю закрыться. Удар приходится в предплечье, рука немеет.

— Просто мечта, а не сестра.

— Другой мне не надо.

Мы сцепляемся в клинч. Стоим, тяжело дышим друг другу в лицо. Пот заливает глаза, мышцы горят. Я чувствую её запах. Знакомый, родной. Запах крови, пота и чего-то такого, что бывает только у близнецов. Когда знаешь другого лучше, чем себя.

— Что делать будем? — спрашиваю я. Нужно готовить план заранее. Если ситуация реальна, даже навыков Беа может не хватить.

— Пока ничего. Тянем время. Сказала, что надо подумать, что Вито опасен и однажды уже проявил себя. Он купится.

— А если нет?

— Тогда придётся действовать. — Она смотрит мне в глаза. — Ты готов?

— Всегда.

Расцепляемся. Снова бой. Удары, блоки, уходы. Я пропускаю в корпус — выплёвываю воздух. Она получает следом — кривится, но держится. Мы не жалеем друг друга. Потому что знаем: завтра это может спасти нам жизнь.

И потому что это единственный способ оставаться людьми. Выпускать пар, злость, страх. Если не делать этого здесь — то можно сорваться. К сожалению, людям свойственно умирать. Или к счастью.

— Ещё по раунду?

— Давай.

Она кивает. И мы снова сходимся.

Ринг скрипит под ногами. За окнами Филадельфия зажигает огни.

А здесь — только мы. Двое близнецов, которые умеют убивать. И любят друг друга так, как никто не поймёт.

— Бей, — говорит Беа.

Я бью.

В раздевалке, под горячей водой, мысли приходят в порядок. Вода смывает кровь, пот, запах Лючии с её дурацкими духами. Стою, упиравшись руками в кафель, даю спине отдохнуть.

Слышу, как пришло уведомление на телефон. Санти, наверное, прислал список жильцов из той башни. Надо будет глянуть... завтра. Или никогда.

Слишком хреновый день, чтобы искать приключений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.